

Глава 21

Юй Чансин по-прежнему находился на службе в императорском дворце. Закончив просмотр последних докладов, император Умин отхлебнул чаю, позволив себе недолгое отдохновение.

— Позовите первого и второго принцев, — распорядился он. — Посмотрю, как они продвинулись в учении.

Фэн Дэ поклонился и отправил маленького евнуха за их высочествами.

Первому принцу, Се Чэну, в этом году исполнилось семь лет, второму — пять. Оба были законными сыновьями государя. Император Умин заметно больше благоволил старшему. Тот рано лишился папы — покойного фэнцзюня, и император, впервые ставший отцом, с самого нежного возраста держал мальчика подле себя. Подобная близость была редкостью даже в простых семьях, а в императорской — и вовсе казалась невысказанной.

Память о покойном супруге и былая нежность заставляли владыку окружать Се Чэна особой заботой.

Второй принц, Се Дань, рождённый фэнцзюнем Ваном, рос мальчишкой живым и непоседливым. Ему претило часами высидеть в классной комнате, и все его думы были лишь о забавах.

Братья явились вместе; судя по всему, они шли напрямиком из дворца Куньнин.

Дворец Паньлун служил государю местом для отдыха. Если император не посещал покои своих наложников, главный евнух распоряжался доставить кого-нибудь из супругов сюда для ночного служения. Однако это место было не только спальней, но и кабинетом, где решались государственные дела, а воздух часто был пропитан ароматом благовоний, которые воскурляли прекрасные спутники государя.

Спустя некоторое время из глубин дворца раздался яростный голос императора:

— Прошло столько времени, а ты не смог заучить даже этот отрывок?! Чем ты только занимался?!

У императора Умина тяжело вздымалась грудь, он из последних сил сдерживал гнев.

— Твои учителя — великие конфуцианцы и канцлер империи! И ты ничему у них не научился? Я не требую от тебя глубокого понимания, но ты не в силах даже запомнить текст. Кем же ты станешь в будущем...

— Второму принцу вернуться к себе и три дня провести в раздумьях. Никому не разрешаю его навещать.

Маленький Се Дань низко опустил голову и обиженно пробормотал:

— Отец-император, сын ваш виноват. Я больше не буду забывать об уроках ради игр. Но через два дня у отца-супруга день рождения, и я хотел поздравить его. Обещаю, после праздника я буду примерно размышлять о своём поведении.

Старший принц поначалу читал сбивчиво, чем уже вызвал недовольство отца, но второй и вовсе не смог выдать из себя ни слова, что окончательно вывело императора из равновесия.

Однако, взглянув в по-детски наивное лицо младшего сына и вспомнив о фэнцзюне Ване, император Умин смягчился:

— После того как поздравить папу, вернёшься в свои покои. Через три дня явишься во дворец Паньлун.

Се Дань послушно и тонко пискнул в ответ.

Се Чэн добавил:

— Младший брат сделал это не нарочно, он старается на уроках. Прошу, отец-император, не будь к нему слишком строг.

— Тебе, как старшему, надлежит быть примером для Даня, а не потакать его лени, — отрезал император Умин. — И тебе самому нужно приложить больше усердия. Ты — законный первенец, и должен быть лучше всех остальных.

Се Чэн поджал губы:

— Да, отец-император, я понял.

Тяжёлые двери дворца Паньлун распахнулись, и принцы вышли наружу. На лице Се Даня всё ещё играла робкая улыбка, но в глазах его брата читалась вина, и тот поспешил удалиться.

Се Дань протяжно выдохнул:

— Брат, почему ты так спешишь?

— Мне нужно вернуться и выучить уроки, — бросил на ходу Се Чэн.

Младший принц лишь хмыкнул и стал неспешно спускаться по ступеням. Стоявшие снаружи евнухи провожали его взглядами — в своей медлительности и степенности маленький мальчик казался им весьма забавным.

— Командир Юй! — окликнул Се Дань Юй Чансина, который как раз проходил мимо со своим дозором.

— Приветствую второе высочество, — командир Юй тут же склонился в поклоне.

Поскольку он часто бывал при дворе, его пути с высочествами пересекались, поэтому Се Дань иногда останавливал его, чтобы перекинуться парой слов.

Проводив второго принца, Юй Чансин вспомнил, что сегодня день визита Чжэн Шаньцы и Юй Ланьи в отчий дом. Из-за службы он не мог присутствовать на встрече, и ему оставалось лишь надеяться, что вечером он успеет повидаться с братом и зятем.

Чжэн Шаньцы вздремнул совсем недолго, а вот Юй Ланьи по-прежнему сладко спал. Поднявшись, Шаньцы решил прогуляться и в саду случайно наткнулся на фулана Юя, который в одиночестве пил чай в беседке.

Заметив старшего, юноша подошёл и поклонился.

— Присаживайся, — радушно отозвался тот. — Мне как раз стало скучно, так что ты очень кстати. Составишь мне компанию.

— Слушаюсь, папа.

Служанка наполнила чашу молодого человека. В этот знойный день мятный чай пришёлся как нельзя кстати. После нескольких глотков внутренняя жара отступила, но зять, присев с краю, поначалу не знал, о чём заговорить с папой Ланьи.

— Я слышал, у тебя двое братьев, — начал фулан Юй. — Семья у вас, прямо скажем, небольшая. Впрочем, и у нас в поместье всего трое детей.

Шаньцы понял, что папа хочет побольше узнать о его близких.

— Мой старший брат всегда заботился обо мне, — ответил он. — Если бы не его труды, он никогда не смог бы собрать деньги на моё обучение, и я не добился бы нынешних успехов. Чтобы прокормить меня, он нанялся слугой в богатый дом и там повредил ногу. Младший же брат ещё совсем мал, он живёт в деревне.

Юноша на мгновение замолчал, подбирая слова.

— Раньше, по молодости и глупости, я мнил о себе невесть что. Но прибыв в столицу, поостыл и понял, что нужно просто честно жить и трудиться, чтобы хоть как-то помочь родным. Они многим пожертвовали ради меня, и теперь я хочу, чтобы и у них началась добрая жизнь.

— Твоему старшему брату пришлось нелегко, — сочувственно произнёс фулан Юй. — В будущем тебе стоит проявить к нему сыновнюю заботу.

Он помолчал, разглядывая зятя.

— В жизни простых людей есть своё благо: они берут в жёны лишь одного человека и не заводят наложниц. Вся семья в единомыслии трудится ради общего счастья. Я лишь мечтаю, чтобы вы с Ланьи жили в достатке и согласии.

Искренность Шаньцы пришлась ему по душе. Имея за спиной мощь поместья маркиза Чаняна, он, конечно, мог досконально разузнать о прошлом зятя, но то, что тот ничего не скрывал, заставило фулана Юя увидеть в нём честного и прямодушного человека.

Вечером из дворца вернулся Юй Чансин.

Ужин был обильным. Супруги сидели плечом к плечу. Увидев младшего брата, командир Юй улыбнулся:

— Дел во дворце было невпроворот, вот я и задержался.

Маркиз Чанян кивнул:

— Присаживайся скорее.

Старший молодой господин был хорош собой — статный, с лицом, которое при малейшей улыбке светлело, точно весенний день.

— Я сегодня опоздал, так что в наказание выпью три чаши, — объявил он.

Не дожидаясь уговоров, он лихо осушил одну чашу за другой. В каждом его жесте сквозили благородство и удаль истинного аристократа.

— Брат просто сам охоч до вина, вот и ищет повод, — подколот его Юй Ланьи.

В этом доме только Ланьи позволял себе так непринуждённо подшучивать над старшим

братом. Тот ничуть не рассердился. Напротив, он лишь подтвердил слова младшего:

— Верно, я просто соскучился по доброму хмелю.

Дома командир казался совсем другим человеком — без тени той суровости, что была при нём на службе. Здесь он был мягче и проще. Чжэн Шаньцы поднял чашу, предлагая тост. Чансин принял его без лишних церемоний.

Фулан Юй, глядя на них, улыбался. Ему казалось, что в семье прибавилось детей. По правде говоря, он повидал немало столичных отпрысков, и характер Шаньцы на их фоне казался весьма достойным. А если всё это было лишь притворством, что ж — тогда зятю придётся притворяться всю жизнь.

Ланьи, видя, что муж уже изрядно приложился к чаше, не решился делать ему замечание при всех, а лишь украдкой дёрнул за рукав.

Шаньцы на миг замер, понял намёк и больше не подливал вина, налегая на закуски.

Его супруг облегчённо выдохнул. Шаньцы — хрупкий учёный, и тягаться в питье с воином ему явно не под силу. Для командира эти чаши — что капли дождя, а вот Шаньцы мог захмелеть в любой миг.

После ужина они сели в экипаж и отправились к себе.

Хмель быстро ударил юноше в голову, лицо его покраснелось. Едва супруги переступили порог дома, Юй Ланьи велел Цзинь Юню:

— Скажи на кухне, пусть приготовят отрезвляющий суп и принесут в спальню.

— Слушаюсь, молодой господин.

Шаньцы, впрочем, чувствовал себя сносно — голова почти не кружилась. Ланьи же, нахмурившись, что-то ворчал себе под нос, но Шаньцы не мог разобрать слов.

— Весь пропах вином... Нужно хорошенько вымыться, иначе кто захочет спать с тобой в одной постели? С этого дня ввожу правило: если выпил и от тебя разит хмелем — ложись на полу.

Молодой господин шёл впереди, а Шаньцы, повинувшись инстинкту, послушно следовал за ним шаг в шаг.

Слуги уже подготовили бадью для купания. Увидев, что муж замер у порога, Ланьи бросил:

— Я первый. А ты мойся, когда выпьешь отрезвляющий суп.

В голове у Шаньцы всё ещё стоял туман. Звук плещущейся за ширмой воды отозвался в его душе странным томлением, и он почувствовал, как по телу разливается жар.

Цзинь Юнь принёс отрезвляющий суп и тут же удалился. Выпив его, юноша почувствовал, что ему стало значительно легче.

«Совсем рассудок потерял, — подумал он, — сижу и слушаю, как кто-то моется»

Юй Ланьи вышел из купальни, окутанный облаком влажного пара. Увидев пустую чашу на столе, он понял, что Шаньцы выпил всё до капли, и успокоился.

Взяв чистую одежду, муж скрылся за ширмой.

Ланьи, который днём проспал слишком долго, теперь не чувствовал ни малейшей усталости. Забравшись под одеяло, он лежал, глядя в потолок. Обычно в такие часы он брался за иголку с нитью, чтобы скоротать время за вышивкой. Вспомнив об этом, молодой господин открыл шкаф и нашёл свою незаконченную работу.

Цзинь Юнь не забыл о привычках господина и сложил всё в образцовом порядке. Рядом была полка Шаньцы — там ровными рядами стояли книги.

Слушая, как плещется вода за ширмой, Ланьи не удержался и тайком вытянул одну книгу.

«Раз уж она лежит в спальне, вдруг это какой-нибудь занимательный роман?»

Он вытащил «Лунь Юй». Затем — «Чжун Юн»! Следом — «Шань Шу»!

Ланьи даже раздосадовался. Однако скука была сильнее, и он не сдавался. Он продолжал перебирать тома, пока лицо его не стало почти бесстрастным от разочарования. Но добравшись до самого последнего свитка, он заметил, что на обложке нет ни единого иероглифа. Сердце его радостно ёкнуло, и он поспешно раскрыл книгу.

На первой же странице он увидел двух мужчин, увлечённо «сражавшихся в битве при Чиби».

Лицо Юй Ланьи мгновенно вспыхнуло. Он в ужасе захлопнул книгу.

Перед свадьбой сваха приносила ему подобные «картинки для отвращения огня», но он лишь мельком глянул на них и не выдержал. И вот теперь, увидев гравюры снова, он вмиг вспомнил всё, что пытался забыть.

Его лучший друг, Люй Цзинь, был всё ещё не замужем, и среди сверстников Ланьи не было никого, с кем он мог бы обсудить подобные вещи. Но то, что Шаньцы хранил такую книгу в спальне, да ещё и прятал её среди «Четверокнижия» и «Пятиканония»...

«Вот тебе и тихий учёный! — возмущённо подумал Ланьи. — Интересно, о чём он только думает, когда читает свои благочестивые трактаты?»

Кончики его ушей стали пунцовыми. В тех альбомах, что показывала сваха, были самые разные позы; он даже вспомнил одну, где они были лицом к лицу.

Он уткнулся лицом в подушку и отвернулся к стене, прячась от Шаньцы. Лицо его пылало. Настроение читать романы испарилось без следа, а мысли вопреки воле пустились вскачь.

«Кстати, обычно Шаньцы моется быстро. Почему же сегодня он так застрял? Неужели хмель всё ещё не выветрился и он уснул прямо в бадье?»

Но Чжэн Шаньцы вовсе не уснул в бадье. Он просто стоял, опустив голову, и вид у него был крайне озадаченный.

<http://bllate.org/book/15809/1428419>